

Сердце Линь Сяоча бешено билось.

Глаза Хань Юя были подобны бескрайнему морю, и казалось, что это море вмещает только ее.

Но вскоре она успокоилась, и ее сердце перестало биться.

Та, которую он увидел в своем сердце, была всего лишь лгуньей... лгуньей, которая приблизилась к нему из скрытых побуждений и приняла его не за того человека.

Ее покрасневшееся лицо стало быстро бледнеть. Наконец, она опустила голову и перестала смотреть ему в глаза.

Другие студенты, естественно, не понимали его необъяснимой пристрастности, но люди всегда пытались рационализировать все происходящее. Например, они думали, что Линь Сяоча была милой и чистой, и что Хань Юй восхищался ею, потому что она смогла прочесть такую сложную книгу...

Короче говоря, люди думали, что у нее наверняка есть свои преимущества, поэтому Хань Юй так по-особенному к ней относится.

Путь Неба жесток, но он забирает часть и отдает часть. С другой стороны, путь человека более жесток, и он не даст достаточно, чтобы возместить то, что забрал.

Людям нравится участвовать в веселье, поэтому популярные люди становились все более популярными, а те, кто был обделен, оставались все более обделенными.

Линь Сяоча всегда использовала эту человеческую психологию в своих интересах. В это время система показывала, что большое количество целей, чьи имена она даже не знала, повышали свою популярность.

Но прогресс Цзинь Чжифэна и так долго был близок к 100%, и вот сегодня, спустя два года, он вдруг стал полным.

Выскочило оповещение от системы: [Поздравляем хоста. Миссия цели Цзинь Чжифэн завершена!]

Однако Линь Сяоча не была слишком счастлива. Она опустила голову и стала молча читать буклет в своей руке. Она намеренно избегала взгляда Хань Юя и покинула лекционный зал, даже не окликнув его после уроков.

Хань Юй холодно посмотрел ей в спину и увидел, что Цзинь Чжифэн бежит за ней.

Линь Сяоча стояла на окутанной туманом платформе Цисин и смотрела на парящий в облаках пик Шаньхай и летающих вокруг него журавлей. Теперь она знала, что все эти журавли были журавлями практиков горы Тяньюй.

Все журавли были совершенно одинаковыми, и она не знала, кто из них А Си, пока один из журавлей снисходительно не закатил глаза.

Линь Сяоча: ...

"Маленький росток фасоли". Когда Линь Сяоча слышала, что кто-то зовет ее, она даже не

повернула головы. Она все еще бесцельно смотрела вдаль.

Пробыв в этом мире два года, она хотела вернуться домой.

После возвращения она должна стать хорошим человеком. Она хотела завести серьезные отношения и найти человека, который сможет принять ее такой, какая она есть.

Однако найдётся ли в том мире такой человек?

Цзинь Чжифэн стоял позади нее, и его глаза были глубокими. "Маленький росток фасоли, кажется, что ты всем нравишься".

В его голосе звучала ревность.

"Правда?" Голос Линь Сяоча был бесстрастным. Поскольку он уже был на 100%, ей не нужно было продолжать работать над ним. Она всегда реалистична.

"Кто тебе нравится?" Цзинь Чжифэн шагнул вперед: "Фэн Цзыин? Хань Юй? Или..."

"Мне никто не нравится". Линь Сяоча прервал его. Я люблю только себя. Я такая эгоистка.

Она повернулась спиной к Цзинь Чжифэну, и он не увидел ее безразличного выражения лица.

Он почувствовал облегчение, услышав ее слова. К счастью, ей никто не нравился. Возможно, она все еще не понимала, что такое "нравиться".

"Маленький росток фасоли, мы с тобой вернемся в город Цзиньцзюэ. Я буду заботиться о тебе всегда". Он не хотел, чтобы она оставалась здесь. Он не хотел, чтобы она связывалась с этими людьми. Он даже надеялся, что она станет его персидской кошкой, всегда будет рядом с ним и всегда будет принадлежать ему.

"Разве тебе всегда не нравился Бай Сюаньрань?" Ее голос был слабым.

Цзинь Чжифэна мучила совесть. Два года назад они с Сюань'эр всю дорогу шумели из-за Бай Сюаньрань.

"Я был молод и невежествен. До встречи с тобой я не понимал своего сердца. Мы с Сюаньрань были просто товарищами по играм".

Как только он закончил говорить, он услышал звук, будто кто-то наступил на ветку дерева позади него. Обернувшись, он увидел, что это был Бай Сюаньрань.

"Брат Чжифэн?" Лицо Бай Сюаньрань было бледным, и она сжала грудь. Ее красивые глаза были немного грустными.

Бай Сюаньрань была из тех людей, которые даже если не хотят каких-то вещей, все равно таскают их с собой, боясь, что их отнимут другие.

Она также играла с бывшим Цзинь Чжифэном подобным образом. В этот момент он понял, почему его сестра так ее ненавидела.

В его сердце на мгновение появилась скука, и он больше не проявлял милосердия. "Раз я тебя не интересую, зачем ты делаешь такое выражение лица? Не все в мире хотят вращаться вокруг тебя".

Бай Сюаньрань недоверчиво посмотрела на него, как будто не верила, что он действительно будет говорить с ней таким отвратительным тоном.

Линь Сяоча понимает, что Бай Сюаньрань привыкла быть богиней, поэтому она не знала, как думает мужчина. Когда мужчина любит тебя, все в тебе правильно. Когда он тебя не любит, ты ошибаешься, даже когда дышишь.

Бай Сюаньрань крепко сжала сердце. На этот раз болезнь сердца действительно обострилась, но Цзинь Чжифэн не хотел ей помогать, поэтому она могла только держать себя за грудь и искать медика.

Во время всего этого Линь Сяоча не оборачивалась.

В этот момент, что бы они ни делали, ее это не касалось.

Она не знала, сколько времени бесцельно смотрела на небо, пока не почувствовала запах хвои.

Этот человек просто тихо стоял позади нее.

Она медленно выставила руку перед собой, сжимая пальцами юбку, но человек, стоявший позади нее, долго молчал.

Наконец, не удержавшись, она обернулась и с улыбкой посмотрела на него: "Сяньцзюнь, когда ты пришел? Почему ты решил прийти на занятия именно сегодня?".

Мужчина посмотрел на нее с темными тучами в глазах: "Зачем ты пришла на гору Тяньюй?"

Линь Сяоча провела пальцами по юбке: "Сяоча уже говорила Сяньцзюню, что я хочу заниматься культивированием."

"Десять карточек факультативных курсов, а ты выбрала курс Шан Юаня только для того, чтобы спать на уроках? Так вот как ты культивируешь?"

Линь Сяоча пробормотал: "Я действительно ничего не смогу скрыть от твоих глаз".

Хань Юй сделал шаг ближе: "Для чего?"

Линь Сяоча снова посмотрела в эти глаза. Она чувствовала, что не может выдержать такого взгляда.

Она лгала и лгала. Она и глазом не моргнула, когда обманывала людей. Она была лгуньей, и не боялась использовать сотню лжи, чтобы дополнить другую. Она могла сказать тысячу или десять тысяч лжи за один раз.

Но вдруг ей больше не захотелось лгать.

Да и зачем ей врать ему?

Он не стоил и ломаного гроша, так почему она должна показывать ему свое фальшивое "я"?

"Для дела..." Но как только она заговорила, ее притянули к мужчине и погрузили в его широкую грудь.

Его тонкая рука сжала ее затылок: "Сяоча...".

Линь Сяоча впервые услышала, как он называет ее имя. Казалось, оно было выдавлено из его горла, и звучало онемевшим.

Хань Юй, казалось, долго ждал и наконец заговорил: "Два года назад ты спросила меня, можешь ли ты мне понравиться. На самом деле, в то время я и был соблазнён, но не знал об этом. В то время я также не знала, что ты спас меня".

Линь Сяоча почувствовала ясный аромат на его теле, и у нее закружилась голова. Она слушала то, что, как ей казалось, он никогда не сможет сказать.

И он легонько коснулся ее головы: "Думаю, я не хуже Шан Юаня".

Такие детские слова вырвались из его уст. Если бы он сказал это в обычное время, Линь Сяоча непременно бы рассмеялась. Но сейчас она только чувствовала, что ее разум пуст.

Шан Юань, будь он хорошим или плохим, не имеет к ней никакого отношения. В ее глазах он просто ходячий чек.

Зачем сравнивать себя с ним?

Температура его тела, казалось, была намного выше, чем раньше, даже выше, чем у Линь Сяоча. На вершине этой горы, под прохладным ветерком, ей стало очень тепло, и захотелось опереться на него.

По какой-то причине она вспомнила, что говорила ей соседка по комнате: Если тебе не нравятся люди, ты должна отказаться и ясно дать это понять. Не надо быть неряхой и всегда хотеть нажитья на других.

Оказалось, что она вовсе не забыла об этих словах.

Линь Сяоча уперлась в его грудь руками и вырвалась из его объятий.

Впервые в ее глазах, которые всегда были тоскующими и жаждущими поговорить, появилась волна решимости.

"Сяньцзюнь, ты должен понимать принцип времени. Более того, два года назад сначала ты спас меня, а я тебя. Так что мы не в долгу друг перед другом. Если между нами что-то произошло, пусть это пройдет".

Она протянула руку: "Сяньцзюнь, верни мне мое яйцо. Ты не обязан нас защищать. Мы и сами можем о себе позаботиться".

Я плохая женщина. Я пришла в этот мир только для того, чтобы получить то, что я хочу".

Впервые Хань Юй почувствовал, что девочка перед ним такая странная.

Он всегда думал, что она похожа на камелию, окрашенную утренней росой, но сейчас она показалась ему ядовитой, словно опиумный мак.

*

В глубоком ледяном море огромный чешуйчатый дракон открыл глаза, полусонные и скучающие.

"Отец, моя мать, она..."

"Хватит." Король Демонов прервал его: "Вы, мать и сын, изначально являетесь пятном на жизни этого короля. Я вообще не хочу слышать от вас никаких новостей и не желаю вас видеть".

Шан Юань сжал кулак. Если бы он сжал чуть сильнее, то мог бы раздробить свои пальцы.

Этот демон был очень рад его матери, но он никогда не хотел, чтобы она была беременна. Для короля демонов было позором иметь наследника-полудемона, поэтому он бросил беременную мать и изгнал ее из Леса Десяти Тысяч Демонов.

"Мать умерла".

"Твоя мать - смертная. Прошли сотни лет. Что такого странного в том, что она умерла".

"Ее заставил умереть Линь Ишань. Фэн Наньфэй поручил ему убить твоего потомка, поэтому он заставил меня и мою мать прыгнуть со скалы. Мама крепко держала меня на руках. Я - полудемон, поэтому со мной все было в порядке. Но когда я открыл глаза, моя мать превратилась в месиво из плоти".

Хотя Шан Юань и переродился, его тело в то время все еще оставалось детским, и он испробовал все средства, чтобы изменить эту трагедию.

Всякий раз, когда он закрывал глаза, он видел свою мать, которая улыбалась и говорила ему не плакать, не бояться, и она всегда будет защищать его, но она превратилась в лужу крови.

Черный дракон, казалось, был ничем не тронут и снова закрыл глаза.

Казалось, эта история не имела к нему никакого отношения.

В прошлой жизни Шан Юаня, когда яйцо Короля Демонов увяло, дракон нашел Шан Юаня и попросил его принять свою суть и вернуться к своим предкам. Шан Юань никогда не знал, что он был безжалостным и хладнокровным.

Зверь действительно зверь.

Король Демонов: "Шан Юань, не надо выдавать желаемое за действительное, что я позволю тебе вернуться. Даже если ты культивировал в Горе Тянью 500 лет, ты все равно не сможешь сравниться с моим Лон'эром. Ты знаешь, он настоящий дракон. Единственный настоящий

дракон в стране Чжу Юнь. Только он может соперничать с фениксом Фэн Наньфэй, и только он может возродить нашу расу демонов".

Шан Юань подавил гнев в своем сердце и почтительно сказал: "Отец, естественно, я не могу сравниться со своим младшим братом. На этот раз я здесь, чтобы сообщить тебе о местонахождении моего младшего брата".

Только тогда Король Демонов открыл глаза. Мгновенно весь глубокий океан всколыхнулся, вызвав бесчисленные волны.

Когда дно океана снова стало спокойным, черный дракон исчез, а вместо него появился красивый мужчина в черном халате, с серебряными волосами и рогами дракона.

Он смотрел на Шан Юаня своими глубокими синими глазами, такими же глубокими, как море.

"Говори! Где мой Лон'эр!"

"Линь Ишань тогда заставил мою мать умереть". Затем, глядя на серебряного короля демонов, он добавил слово за словом: "Кроме того, Линь Ишань связал моего брата и свою дочь договором жизни и смерти".

В это время глаза короля демонов раскрывались все шире и шире. Затем он начал яростно рычать.

Его гнев закрутил море в огромный водоворот.

Все море отозвалось эхом его голоса.

"Этот король собирается убить Линь Ишаня и его дочь!!!"

<http://tl.rulate.ru/book/57527/2370601>